

ЖЮЛЬЕН РОШДИ

ФИЛОСОФИЯ ПРАВЫХ

ТОТЕНБУРГ

МОСКВА 2025

УДК 1:316.75
ББК 87.3
Р82

***Все права на книгу находятся под охраной издателей.
Ни одна часть данного издания не может быть воспроизведена
каким-либо способом без согласования с издателями.***

Перевод с французского — Екатерина Белозерова.

Рошди, Ж.

Р82   Философия правых. — М.: Тотенбург, 2025. — 262 с.

Эта книга предназначена для тех, кто хочет открыть для себя подлинную философию правых, ее истоки и причины, по которым эта философия необыкновенно актуальна и крайне важна в наше время.

В первой части автор, Жюльен Рошди, обращается к своему воображаемому другу, объясняя ему шаг за шагом, идею за идеей, концепт за концептом мысли антагонистов революции. Он пишет точным, метким и в то же время живым и доступным языком, стремясь углубить политическую культуру читателя.

Затем в длинном послесловии автор сопоставляет воззрения правых с теориями, выдвинутыми новой разновидностью левых: той, что отныне на Западе главенствует в СМИ и в научных кругах, — то есть с идеями сторонников деконструкции.

«Философия правых» — это своего рода настольная книга для каждого, кто глубоко привязан к своей национальной культуре и кто, усвоив основы, сможет уверенно двигаться в будущее.

**УДК 1:316.75
ББК 87.3**

© Екатерина Белозерова,
перевод с французского 2025

© Издательство «Тотенбург», 2025

СОДЕРЖАНИЕ

ОБ АВТОРЕ	7
ПРЕДИСЛОВИЕ.....	8
ВВЕДЕНИЕ. ВОЗВРАЩЕНИЕ К ИСТОКАМ	12
I. ЛЕВОЕ «ПРОСВЕЩЕНИЕ»	33
II. ПРОГРЕССИСТЫ И РОЖДЕНИЕ ДВУХ ЛЕВЫХ....	44
III. ВОЛЬТЕР И САД	55
IV. РУССО И РОБЕСПЬЕР	66
V. РЕВОЛЮЦИЯ ЛЕВЫХ.....	78
VI. ЦЕННОСТЬ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ	89
VII. В ЗАЩИТУ ПРЕДРАССУДКОВ	99
VIII. КТО ЕСТЬ ЧЕЛОВЕК?	109
IX. ПЛЮРАЛИЗМ И ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ К РОДУ..	119
X. ПОДЛИННЫЙ СУВЕРЕНИТЕТ.....	130
XI. ВЕЛИЧИЕ И ЦЕННОСТЬ ХРИСТИАНСТВА.....	141
XII. РОЖДЕНИЕ ПРАВЫХ.....	152
XIII. СБОРНИК КЛАССИЧЕСКИХ ИСТИН.....	163
ЗАКЛЮЧЕНИЕ. ВЧЕРАШНИЙ ДЕНЬ	
ВО БЛАГО СЕГОДНЯШНЕМУ	172
ПОСЛЕСЛОВИЕ. ПРАВЫЕ И ДЕКОНСТРУКЦИЯ	194

*От ветра злобного, что кружит за окном,
Грозит нам хаосом и ненавистью дышит,
Мы, провансальцы, защитим наш старый дом,
Наш сад и наших ласточек над крышей.*

Фредерик Мистраль
«Добрые провансальцы» (1878)

ОБ АВТОРЕ

Жюльен Рошди — известный французский эссеист и издатель, в прошлом активно участвовавший в политической жизни Франции, затем работавший консультантом по международным делам.

Горячо стремясь к защите своей цивилизации, он вот уже несколько лет излагает свои взгляды в книгах, лекциях и различных СМИ, с которыми сотрудничает, а также высказывает четкие и независимые позиции в социальных сетях.

Жюльен Рошди живет в сельской местности во французском департаменте Ардеш, там, где находятся его корни. С недавних пор он является отцом семейства.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Последнее время все чаще приходится слышать о возрождении правых. Оставшаяся часть здорового западного общества явно ищет силу, способную противостоять системному нигилизму, предлагаемому левыми во всех его формах, особенно самых свежих. Такой силой могут быть только правые, или, по крайней мере, те, кого считают таковыми. Я уже давно отметил это и выработал свою позицию. А также захотел написать эту небольшую книгу, потому что понял, что сегодня уже никто не знаком с классиками философии правых. Как-то раз мне случилось беседовать с одним университетским преподавателем, который сообщил мне, что разделяет «все мои идеи», «ненавидит левых» и стал «абсолютно правым». Я был очень рад это слышать, но по ходу разговора понял, что этот молодой человек не имеет ни малейшего представления о том, что такое правые с философской точки зрения. Отдалиться от левой среды, в которую он, как и я, был погружен с самого юного возраста, ему помогли лишь безошибочный инстинкт, благородные чувства и здоровое отвращение. Возможно, именно инстинкт, чувства и отвращение делают людей тем, что они есть: ещё Эвола¹ писал, что для правых важнее пробудить, чем убедить. Рефлексы, несомненно, предшествуют рефлексии, но факт остается фактом: в какой-то момент нужно начать размышлять. Мы целых два столетия находились в тяжелом положении, и было бы очень глупо после этого продолжать недооценивать силу идеологиче-

---

¹ Юлиус Эвола (19 мая 1898 — 11 июня 1974) — итальянский философ-эзотерик, писатель, поэт, художник, культуролог и политический деятель. — *Прим. пер.*

ских конструкций левых. Обычного отвращения, даже самого глубокого, и извечного здравого смысла недостаточно, чтобы противостоять этому дьявольскому противнику. Нам тоже нужны идеи: правые — а вслед за ними и вся наша цивилизация — могут «возродиться» только опираясь на них. Поэтому я обратился к авторам — сторонникам контрреволюции: я уверен, что платоновскую теорию познания следует воспринимать в ее метафорическом смысле. Чтобы знать, нужно прежде всего помнить — другими словами, мы должны обратиться к собственной истории. Если правые хотят возродиться, они должны прежде всего вспомнить свои основы: только на этом фундаменте они смогут затем возвести свои сторожевые башни. Мне хотелось бы, чтобы молодой человек, с которым я разговаривал, знал Бёрка и де Местра так же хорошо, как Вольтера и Руссо, или, по крайней мере, смог увидеть последних глазами первых. Поэтому я писал, будто бы обращаясь к этому собеседнику, то есть к другу: западному человеку, воспитанному в эпоху постмодерна, который желал бы не быть моллюском, а иметь прочный хребет. Сейчас то и дело можно услышать, что таких желающих становится все больше и больше: надеюсь, мое дружеское послание поможет им стать сильнее.

Начав с прошлого, я, естественно, собирался перейти к настоящему. Поэтому к этому введению в контрреволюционную мысль — абсолютно субъективному, чем я горжусь, — я добавил длинное послесловие, в котором, с одной стороны, говорится о левых, которым мы должны сегодня противостоять, а с другой — о различных дорогах, которыми правые, на мой взгляд, должны пойти. Мне нравится переходить от одного к другому: от идеологических вопросов, волновавших наших предков два века назад, до тех, что будоражат нас сегодня. Мы увидим, что в конечном итоге это одно и то же. Не желая довольствоваться простым презрением ко вчерашним левым, я вы-

нужден был вплотную заняться мышлением левых теоретиков деконструкции, которые на протяжении по крайней мере пятидесяти лет определяют дух времени в нашей цивилизации. Мы буквально гибнем от этого старчески немощного духа, а новые «левые-воук»², которые сейчас взялись за наших детей, на самом деле являются последним патологическим симптомом философии деконструкции, родившейся в нескольких больных умах во второй половине катастрофического двадцатого века. Поэтому эту философию тоже было важно тщательно рассмотреть, подчеркнув при этом ее радикально нигилистическую сущность. При этом она отнюдь не заслуживает презрения: она разумна, как часто бывают разумны самоубийцы. Анализируя это философское течение, к которому до этого я относился с легкой долей снисхождения, я увидел, что именно оно является сердцем нашего умирающего Запада и ядовитым источником нашей культуры, более того, оно отравляет даже наши души — или то, что от них осталось. Надеюсь, это послесловие внесет вклад в необходимую борьбу с этим злом — борьбу, которая, я уверен, будет только усиливаться в ближайшие годы.

Почему в конечном итоге я упорно называю себя правым и горжусь этим? Большая часть последующих страниц будет посвящена тому, чтобы это объяснить. Но для большей ясности хотелось бы подытожить все в одном предложении, и для этого я прибегну к помощи Паскаля, мастера коротких фраз, бесконечных по своей

---

² Воук (от англ. woke, прошедшее время от глагола wake «проснуться»), также «вокизм», «воукизм», «воук-культура» — политический термин, обозначающий повышенное внимание к вопросам, касающимся социальной, расовой и половой справедливости. К концу 2010-х годов термин «воук» приобрел более общее значение: «связанный с радикальной левой политикой, радикальными либеральными движениями, неофеминизмом, ЛГБТ-активизмом». Смысловым аналогом термина «левые-воук» могло бы быть выражение «бдительные левые». — *Прим. пер.*

глубине: «Секрет счастливой и радостной жизни заключается в том, чтобы не враждовать ни с Богом, ни с природой». Именно в этом, на мой взгляд, заключается суть правых воззрений. Быть в мире с Богом и природой, в то время как левые воззрения — это не что иное, как бесконечный бунт против этих высших сил. Мне посчастливилось обрести этот мир, но чтобы насладиться им, я должен вести войну с теми, кто хочет помешать мне любой ценой. Надеюсь, что читатели будут на моей стороне.

Рим, 9 февраля 2022 года.

ВВЕДЕНИЕ

ВОЗВРАЩЕНИЕ К ИСТОКАМ

Друг мой, я решил написать тебе, чтобы поговорить о «правых». О «правых» не как о политической позиции, а как об особой философии. И для этого нам с тобой нужно вернуться к своим корням.

Мне хотелось бы поговорить с тобой об этом, потому что, хочешь верь, хочешь нет, но велика вероятность того, что ты — левый, хотя, возможно, даже не подозреваешь об этом. Знай, друг мой: ты — продукт культуры, основанной на различных видах идеологии, которую можно назвать «левой» или «прогрессистской».

Ты не осознаешь этого и не видишь этому причины просто-напросто потому, что эта идеология, одержав верх над остальными, стала нормой, стандартом и своего рода интеллектуальным «соусом», в котором ты варился с самого детства. Левая модель как бы рассеяна в воздухе и распространена повсюду, в результате она почти полностью окружает нас, как темная материя Вселенной: ее не замечаешь именно потому, что она везде.

Ты думаешь, я преувеличиваю и культура прогрессизма не доминирует в такой степени? Ты знаешь несколько современных фильмов, несколько сериалов и несколько писателей, которых точно нельзя назвать левыми? На это я отвечу, что сильные противодействующие тенденции и исключения, конечно, всегда были и есть. Но это, увы, не отменяет того факта, что революционная и прогрессистская мысль оказывала и продолжает оказывать огромное влияние на западную культуру — во всяком случае, гораздо большее, чем ее правые конкуренты.

Ты можешь возразить, что будь это так, все были бы левыми, чего, если смотреть объективно, ты вокруг себя не видишь. Но ведь я и не говорю, что левые контролируют мысли каждого человека. К счастью, они этого не могут (по крайней мере, пока: хотя трансгуманисты, управляющие цифровыми гигантами, возможно, когда-нибудь займутся этим вопросом). Но при этом я утверждаю, что они контролируют почти все способы, которые стимулируют людей думать, а это совсем другое дело. Левая мысль по-прежнему направляет умы большинства наших западных интеллектуальных элит, она безраздельно господствует в школьной системе, в аудиовизуальной культуре и в большинстве основных средств массовой информации. По сути, это религия, со своей моралью и догмами, и она грозит карой любому, кто ее не исповедует. Однако в каждой религии есть свои еретики, в каждой сети есть свои ячейки. Поскольку мне удалось проскользнуть через одну из них, я могу помочь тебе выйти на путь свободы — или, по крайней мере, просто на другой путь. В общем, считай эту книгу попыткой идеологической эксфильтрации.

Подчеркиваю: левая идеология, жертвой которой ты стал, не ограничивается «социализмом» в строгом смысле этого слова. Крайне левые искренне воображают, что сегодняшний мир — это мир правых под тем предлогом, что в нем очень велико экономическое неравенство, что государство и полиция все еще существуют и даже ужесточают свою позицию (не по отношению к хулиганам, кстати, а по отношению к нормальным людям), что границы еще не все уничтожены, а церкви еще не все разрушены и полностью не опустели. Дело в том, что существуют разные уровни левизны и что левизна, царящая почти повсеместно на Западе, — это левизна низкой интенсивности, которая не просто приспосабливается к эко-

номическому либерализму, но более того, еще и постоянно его подпитывает³.

Чтобы отличить переживаемый нами вид левизны от левизны в экономическом смысле (которая воцарилась бы в обществе, полностью управляемом марксистами) некоторые⁴ употребляют термин «культурный гошизм»⁵; а кое-кто просто забывает, что либерализм с самого начала был тесно связан с левизной и даже исторически предшествовал социализму. Именно из-за этой путаницы некоторые не понимают, что политик, считающийся «правым» на избирательном поле, может прекрасно защищать капитализм, носить хорошие костюмы и иметь большое состояние, но при этом, даже не осознавая этого, быть чистым идеологическим продуктом культурной левизны и прогрессизма.

Этот гошизм слабой интенсивности, то есть либерализм прогрессистский и универсалистский, который является почти официальной идеологией западной культуры, тем не менее имеет естественную тенденцию прокладывать путь более жесткому революционному гошизму и, самое главное, ослаблять любые средства интеллектуального сопротивления ему. Дело в том, друг мой, что у них общее происхождение и практически одни и те же представления о будущем человечества, что объясняет их взаимную симпатию. Либеральные прогрессисты чрезмерно снисходительны к крайне левым революционерам, поскольку в конечном итоге у них одни и те же ценности. Либеральные прогрессисты с радостью позволяют ультралевому революционеру захватить все культурное и ме-

---

³ Тезисы либертарианства обеспечивают экономическому либерализму все новые и новые рынки и, разрушая традиционные структуры, одновременно устраняют естественные тормоза капитализма.

⁴ Например, Jean-Pierre Le Goff dans *Du gauchisme culturel et de ses avatars*, revue Le Débat, sept.-oct. 2013.

⁵ «Гошизм» — от французского *gauche*, означающего «левый». — *Прим. пер.*

дийное пространство и прибегают к помощи полиции только в том случае, если этот революционер начинает покушаться на их материальные ценности. А пока до этого не доходит, они дают ему карт-бланш на образование детей, на получение всех возможных субсидий и составление нарратива о нынешней цивилизации. Кстати, многие из наших самых либеральных лидеров в молодости были убежденными и активными марксистами. «Старые левые», сторонники «универсализма»⁶, теперь постоянно жалуются на «новых левых», сторонников «воукизма» (этот неприятный факт позволяет некоторым считать, что «старые левые» перешли в лагерь правых), но при этом эти «старые левые» так и не поняли, что сами являются роковой, неизбежной и несносной причиной появления новых. Далее мы увидим, что взаимопонимание между ними существовало с самого начала, и поговорим о философских причинах, по которым оно становится фатальным.

Одно из неопровержимых доказательств существования левой матрицы, формирующей большинство западных умов, — это примитивные карикатуры, в виде которых левые представляют себе правые идеи. Существует ли в самом деле правое мышление? Некоторые левые интеллектуалы без зазрения совести подвергают это сомнению⁷. Они судят об этом мышлении по тем штампам, которые сами же себе рисуют, и им кажется, что оно содержит не идеи, а лишь рефлексy. Действительно, необходимо ли мыслить, чтобы цепляться за существующее положение вещей? Как может уважающий себя интеллек-

---

⁶ Универсализм в политике — это утверждение, что все человеческие группы имеют общую природу. Биологические и культурные различия преодолимы благодаря фундаментальному единству человеческой расы. — *Прим. пер.*

⁷ «Правых интеллектуалов не существует», — утверждает ультралевоый философ Жофруа де Лаганери, пытаясь таким образом увильнуть от дебатов с теми, кто так претендует быть правыми интеллектуалами. Интервью от 25 июня 2018 г. на информационном сайте *Là-bas si j'y suis*.

туал выступать против движения вперед или за возврат к прошлому? И, ради всего святого, насколько нужно быть лишенным интеллекта, чтобы оставаться до такой степени черствым? Если правая философия состоит лишь в защите существующего социального порядка, в желании сохранить привилегии (которые, само собой разумеется, не могут не быть несправедливыми) и в постоянном беспокойстве за будущее в сочетании с беспросветной и утомительной ностальгией, то, пожалуй, можно даже согласиться с презирающими нас левыми интеллектуалами: то, что представляется в качестве правого мышления, есть не что иное, как набор рефлексов эгоистичного брюзги. Дальше — больше, левые окончательно утверждают в своем презрении, рассматривая правые идеи всего лишь как проявления инстинкта. Как будто инстинкт — это проявление тупости. Режис Дебре часто говорит, что он левый исключительно потому, что природа правая. Получается, что гордясь своим отличием от животного, человек, само собой разумеется, должен склоняться влево, а естественной почвой для противоположного направления служит грубая, жестокая и бессмысленная природа. Однако то, на что смотрят снисходительно, может стать и предметом гордости: ведь если правое мышление соотнобразуется с природой и основывается на ней, это означает, что правые являются защитниками природы. В наши дни, когда движение «зеленых» приобрело огромный размах, принять такое звание весьма почетно. На самом деле правые способны мыслить не хуже, чем левые, если не лучше, но в силу своих принципов они склонны скептически относиться к слишком отвлеченному мышлению и абстрактным рассуждениям, как богатый человек, который считает делом чести презирать деньги.

Ты с полным основанием можешь возразить мне следующее: если идеи прогрессистов опередили своих правых конкурентов и заслонили их настолько, что ты

никогда о них всерьез не слышал и представлял себе только в виде пугала, то, видимо, правые идеи концептуально неполноценны. В ответ я приведу тебе простой аргумент, с которым ты не сможешь не согласиться: нет никакой гарантии, что истина, добро, красота и справедливость в этом мире всегда торжествуют. Большинство авторов правого толка, например Хуан Доносо Кортес, даже считают, что, к сожалению, в человеческом обществе имеют тенденцию побеждать именно неправда и зло⁸. Успех или неуспех абстрактной философской идеи имеет столько же общего с истиной, сколько успех или неуспех какой-либо одежды в моде. В обоих случаях вопрос об объективной правоте или объективной красоте часто даже не возникает. Что проще, привлекательнее и дешевле, то и легче всучить: вот к чему массовое потребление, увы, приучило нас за последние несколько десятилетий. В любом случае, не стоит воспринимать «успех» того или иного продукта как гарантию его внутренней ценности. На большой рыночной площади человеческого общества происходит торговля не только товарами, но и идеями, и в их распространении реклама и пропаганда также играют важную роль. Чтобы идея стала популярной, недостаточно одного мудрого философа, для этого прежде всего нужен хороший специалист по рекламе. Мы, правые, кое-что знаем об этом, поскольку именно это долгое время было нашей слабой стороной: «Контрреволюция регулярно терпела неудачу не из-за внутренней слабости контрреволюционной философии, а потому, что контрреволюционеры были совершенно неспособны использовать современные методы, способы организации, лозунги, политические партии и прессу. Пропагандой полностью завладели революционеры, поэтому контрреволюционеры

---

⁸ «Что до меня, то мне кажется бесспорным и очевидным, что в этом мире зло всегда в конечном итоге торжествует над добром». Juan Donoso Cortés, *Lettre au comte de Montalembert*, du 26 mai 1849.

всегда представляли в невыгодном свете, если о них вообще кто-нибудь знал. Одним из следствий этого является то, что у обычного человека, даже далекого от общественно-политической деятельности, внутри имеется некий механизм, который определяет, с одной стороны, его симпатию к героям и делу революции, а с другой — отчуждение по отношению к делу контрреволюции».⁹

Так что я вполне согласен: правые гораздо менее талантливы в пропаганде, чем левые, и не только потому, что они менее хитры или склонны к манипуляциям, но также, надо признать, из-за недостатков в их оценках и доктринах. Когда правые довольствуются подозрительностью в отношении настоящего и мрачными прогнозами на будущее или когда они слишком резко возвращают на землю тех, кто увлекся мечтаниями, они играют непривлекательную роль вестников беды. Они выглядят безнадежно приземленными и слишком реалистичными для того, чтобы воспламенить воображение и произвести дофамин, необходимый для самого элементарного энтузиазма. Хуже того, если в силу глубоко укоренившегося антиреволюционного инстинкта они считают необходимым систематически вставать на сторону любого доминирующего класса, каким бы он ни был, они обрекают себя на худший из возможных имиджей. Этот катастрофический имидж и параллельно с ним чувство вины — которое они не могут не испытывать, будучи христианами, — мешают им дать решительный отпор левым. В этом нередко и состоит проблема правых: вместо того, чтобы держаться за свои идеи, они держатся за свое положение рядом с доминирующим классом¹⁰ — которым

---

⁹ Thomas Molnar, *La contre-révolution*, Paris, 1972, Union Générale d'Éditions, P. 179.

¹⁰ Именно так описывает орлеанистов, то есть либерально-буржуазное крыло правых, Жан-Франсуа Сиринелли в коллективном труде *Histoire des droites en France*, Paris, 2006, Gallimard.

сегодня является буржуазия — и продолжают держаться за него, даже если эта буржуазия в идейном плане демонстрирует абсолютно левые взгляды (что бывает довольно часто и что имеет место сегодня).

Недооценка важности идеологии, неспособность адаптироваться к современным методам коммуникации, чрезмерная осторожность, чувство вины, отсутствие мечты и обещаний: имеется множество причин, по которым правые на Западе потерпели крах. Сами условия жизни в эпоху модерна и постмодерна (городская среда, дисгенические процессы, индустриализация и терциаризация экономики, важная роль техники, гормональный дисбаланс и т. д.) также могут благоприятствовать появлению и развитию левого прогрессистского течения. Но это уже другая — тяжелая — тема, которую мы рассмотрим в другом месте.

Что касается интеллигенции и членов пресловутой «Республики ученых», то они страдают от изначального «производственного дефекта», который часто толкает их к принятию, на первый взгляд, благородных революционных идей. Именно это прекрасно иллюстрирует Хайек в одной из своих книг¹¹: интеллеktуал (или студент) естественным образом склоняется влево, так как слишком интенсивная умственная деятельность и исключительно теоретический подход могут, к сожалению, увести его далеко от реальности, прагматизма, здравого смысла и даже инстинкта — то есть всех тех элементов, которые действительно необходимы любому человеку, склонному к правому мышлению.

Я бы добавил, что одна из эпистемологических трагедий правых состоит в парадоксальной ситуации: чем больше они правы, тем меньше их понимают. Представьте себе человека, который повсюду пишет о том, что

---

¹¹ Friedrich A. Hayek, *La présomption fatale*, Paris, 2019, Institut Coppet.

в обществе возрастает неграмотность и что это опасно — и вот однажды наступает день, когда никто больше не умеет читать. Правота этого человека будет очевидна — но его уже никто не поймет. Именно в таком положении находятся правые, предупреждающие об упадке нашего общества: чем быстрее оно разлагается, тем более очевидно, что они правы, — но, как это ни парадоксально, тем менее их слышат, потому что разлагающиеся (и те, кто волей-неволей участвует в этом процессе) не всегда хотят это выслушивать. Анализ критических замечаний, выдвигаемых правыми интеллектуалами по поводу прогресса левых, поможет тебе лучше понять причины, по которым левые, как это ни прискорбно, побеждают. В любом случае, надеюсь, ты убедишься: это происходит совершенно не потому, что они ближе к истине, а чаще всего совсем наоборот.

Давай обратимся к самому понятию «правые». Вполне возможно, у тебя вызовет недоумение употребление термина «философия правых»: она слишком многообразна, как свести ее к одному-единственному направлению мысли? И в самом деле: как можно соединить во единой идеи трех знаменитых французских правых течений, о которых писал Рене Ремон: орлеанистов, бонапартистов и легитимистов¹²? Или объединить воззрения консерваторов и реакционеров из разных стран, некоторых либералов, католиков-традиционалистов, радикальных сторонников «консервативной революции», а также мыслителей, которые все еще считают себя левыми, хотя критикуют прогрессизм как заправские консерваторы? Добросовестный исследователь может отнестись к этому с опаской, особенно если, будучи правым, он испытывает неприязнь к идеологии. Он может инстинктивно отнестись с подозрением к книге, предлагающей столь широ-

---

¹² René Rémond, *La droite en France*, Paris, 1954, Aubier.

кое обобщение: поскольку, обобщая, она может навязать ему определенные стереотипы, в то время как, вопреки распространенному мнению, человек правых убеждений этого не любит.

Имей в виду, друг мой, все эти предварительные возражения мне известны, но желание бесконечно докапываться до тонкостей есть признак изрядного малодушия, как так тонко подметил Эмиль Чоран¹³. Лично мне кажется, что правых философов объединяют не только общие идеи, но и схожие стили, эмоции, логические построения и антипатии. Конечно, между ними могут быть существенные различия — по меньшей мере такие же, как между парижским якобинцем 1792 года и студентом/активистом, специалистом по гендерным исследованиям из сегодняшнего американского университета — но это никак не препятствует их согласию по многочисленным вопросам и наличию общих рефлексов и склонностей. И хотя правые не во всем совпадают друг с другом, есть некий элемент, небольшой, но очень значимый, который объединяет большинство из них: это их противодействие левым соответствующей эпохи. Общая борьба с противником, многоликим, но имеющим общий стержень, фактически сплачивает их в большую семью — кстати, иногда даже против их желания¹⁴. Однако, дабы не подсыпать зерна на мельницу тех, кто бесконечно лукавит, я буду говорить исключительно о тех авторах, которые два века назад стояли у истоков собственно правого движения.

---

¹³ La lâcheté rend subtil Emil Cioran, *Cahiers* 1957–1972

¹⁴ Примером может послужить Фридрих Хайек. Он всю жизнь боролся с социалистическими теориями и выдвигал против них аргументы абсолютно консервативного толка, но при этом ни за что не хотел, чтобы его считали консерватором. Тем не менее сегодня его цитируют и на него ссылаются практически только интеллектуалы и политики, считающиеся «правыми». Таким образом, он является частью большой интеллектуальной семьи правых, несмотря на его антипатию к ней.

Такой слишком бинарный взгляд на философию может показаться тебе несколько упрощенным. И в самом деле, в постмодернистской культуре укрепились тенденции к примитивной релятивизации и к скептицизму, которые отличаются тем, что не утверждают ничего, кроме постоянных сомнений. Однако мышление требует категоризации, а чтобы категоризировать, нужно проводить четкие различия — как правило, деля на две части. Кроме того, независимо от этой грубой истины, хочу подчеркнуть, что эта бинарность не просто плод моего воображения, то есть не просто сознательный и субъективный выбор. Французский философ Жак Маритен сделал попытку определить психологические константы, которые могли бы объяснить, почему традиция делить на левых и правых остается столь стойкой: мы делимся на левых и правых так же, как на меланхоликов или сангвиников. И действительно, некоторые характерологические типы могут в немалой степени объяснить, почему мы принимаем ту или иную идею или присоединяемся к тому или иному лагерю или течению. Недавно нейробиолог Пьер Винченцо Пьяцца в своей книге *Homo biologicus*¹⁵ объяснил, что склонности к правому или левому мышлению (*Homo endostaticus* или *Homoexostaticus*¹⁶) могут корениться в нас очень глубоко (генетически!) и даже определять стратегию вида с эволюционной точки зрения.

Мы бы могли также обсудить с тобой разделение на правых и левых, которое определяло структуру гражданского общества многих стран на протяжении как минимум двух столетий, рассмотреть его в различных кон-

---

¹⁵ Pier Vincenzo Piazza, *Homo biologicus*, Paris, 2019, Albin Michel.

¹⁶ *Homo endostaticus* счастлив исключительно в состоянии равновесия и гармонии, поэтому он убежденный консерватор и спиритуалист. *Homo exostaticus*, напротив, постоянно ищет новых ощущений, которые могут доставить ему удовольствие, поэтому он прогрессист и материалист.

текстах¹⁷ и, возможно, в конце концов, оценить его значимость. С некоторых пор стало модным отрицать, что правые и левые в самом деле существуют, на том основании, что содержание этих двух понятий на протяжении всей нашей истории постоянно видоизменяется. Так, некоторые отличительные признаки, такие как определенное отношение к нации или либерализму, перешли от левых к правым. С другой стороны, похоже, что сегодня «политика идентичности» (как ее называют в англосаксонском мире) и эссенциалистские тенденции, весьма далекие от универсализма, поддерживаются новыми левыми, сторонниками воукизма. Под этим предлогом некоторые важно заявляют, что не желают впадать в глупый «односторонний паралич», выражаясь словами Ортеги-и-Гассета. Эти дебаты, тесно связанные с определенными историческими обстоятельствами и проблемами, которые, естественно, меняются, меня не слишком интересуют; я хотел бы сосредоточиться на основном философском споре — который вечен, пока существует цивилизация, — то есть на споре между правыми и левыми. Иначе говоря, между двумя способами взаимодействия человека и общества.

Потому что консерваторы и прогрессисты противостоят друг другу испокон веков. Трения между подражанием и новаторством являются источником развития человеческой культуры, и, думаю, как в душе самого обычного маленького человека, так и в большой политике любого общества вечно происходит ожесточенная полемика между благоразумием и энтузиазмом, молодостью и старостью, свободой и равенством, стремлением к исключительности и конформизмом, аскетизмом и гедонизмом, мечтой и расчетом, реализмом и идеализмом, верой и неверием и так далее. В философии правых неизменно при-

---

¹⁷ Именно это сделал Марсель Гоше в своей книге *La droite et la gauche*, Paris, 2021, Gallimard.

существует оригинальная черта, о которой я должен тебе рассказать: это уверенность в том, что мы не изобретаем ничего нового, мы просто забываем, что оно уже было¹⁸, и обречены заводить практически в каждом поколении те же споры, что велись в предшествующих: «Мы вечно воображаем, что все ново, тогда как просто повторяем то, что делали люди в прошлые века, и идем тем же путем, что и они¹⁹», — писал, совершенно справедливо, один выдающийся историк правового толка.

Поэтому, надо сказать, меня немножко огорчает, что открывая для тебя философию правых, я вынужден ограничиваться только рассказом о столкновении контрреволюционных идей с идеями Просвещения и революционеров. Ведь в любой цивилизации и в любую эпоху можно найти левых и правых со свойственными им поведением, побуждениями и логикой. Однако для нас, людей современности, это столкновение приобрело политический и метаполитический характер, только начиная с Французской революции. Именно тогда эти два конкретных направления философии заняли четко противоположные позиции и, наконец, окончательно «оформили развод». В любом случае, даже если в противостоянии этих идей не было ничего особенно нового (достаточно вспомнить споры между сторонниками демоса и аристоса в Древней Греции, номиналистами и реалистами в средневековом «Споре об универсалиях», приверженцами «древнего» и «нового» в Новое время и многие другие...), именно столкновение контрреволюционных идей с идеями Просвещения волнует нас больше всего, и именно его необходимо изучать, если мы хотим понять, куда идет современное западное общество.

---

¹⁸ История, как писал Жак Бенвиль, — это колодец забвения. *Comment on écrit l'histoire*. La Revue Universelle, le 15 avril 1924, tome XVII, p. 186.

¹⁹ Cité par Jean Montador, *Jacques Bainville, historien de l'avenir*, Paris, 1984, France-Empire, p. 116.

Чтобы составить самостоятельное суждение о «разводе» двух этих философских направлений, нужно выслушать доказательства и аргументы обеих сторон. В то время как тебе, боюсь, известны лишь доказательства и аргументы левых. Моя цель — показать тебе другую сторону, ту, которая, оставаясь в тени, возможно, слегка пострадала от холода, но благодаря этому холоду ей гораздо лучше удалось не прокиснуть.

Ясность ума, сила и аутентичность — вот каковы для меня основные черты истинно правой философии, закалившей меня и придавшей стальную прочность моим убеждениям, которые в итоге стали не слишком податливы к софизмам, обещаниям и ложным благим намерениям левых. Как и ты, на заре сознания я увлекался лишь идеями прогрессизма, либерализма и гуманизма. Помнится, например, в тринадцать лет, отчаянно бунтуя против ига моей католической школы, я писал на маленьких листочках бумаги, что все вокруг — ложь, потому что все вокруг — чистая условность. Как и миллионы неугомонных подростков до меня, я смотрел на старый мир юношескими глазами и считал, что юность дает мне право быстро и решительно осудить его за царящие в нем несправедливость, покорность и притворство. К несчастью или к счастью, мои бунтарские наклонности не угасли сразу же после первых вспышек протеста, что обычно происходит с большинством людей, у которых инстинкты конформизма и благодушия всегда быстро берут верх над недолгими подростковыми гормональными всплесками. Я шел в своей критике все дальше и, подкрепляя ее чтением, все более ее уточнял — и в конце концов поставил под вопрос сами истоки моего первоначального бунта. Ты увидишь — поскольку я собираюсь без устали твердить тебе об этом, приводя доказательства, — что сторонником философии правых становишься не тогда, когда знакомишься с ней впервые, а когда выходишь за рамки философии

левых, когда поднимаешься на следующий уровень, не задерживаясь на юношеском фрондерстве и подростковых амбициях. Мне часто вспоминается знаменитое высказывание Ривароля, цитирующее Фрэнсиса Бэкона: «Начинающий философ уходит от религии, зрелый философ возвращается к ней»²⁰, — и я неизменно руководствуюсь им, размышляя о традициях, консервативных истинах и старых устоявшихся порядках, которые на первый взгляд можно выбросить за борт. Более того, не случайно правыми принято считать большинство (самых) великих писателей и выдающихся умов²¹. Вместе с ними в разряд правых попадают простой народ и крестьянство, которые считаются наименее умными и развитыми, то есть те, кого сегодня поносит прогрессистская элита, обитающая в центральных кварталах больших глобализированных городов²². На самом деле, приверженцами левой философии чаще всего являются представители среднего класса²³, обладатели среднего ума и среднего мышления: можно смело заключить, что их кредо — умеренность и усредненность. Поскольку среднее — это, к сожалению, то, к чему всегда естественно склоняется большинство, то не стоит удивляться его успеху; но я уверен:

---

²⁰ *Pensées inédites de Rivarol*, Paris, 1836, J.-A. Boudon, p. 115.

²¹ Жан-Морис де Монтреми писал в журнале *Histoire*, номер 162, январь 1993, что способность правых выдвинуть такое количество гениальных писателей вызывала беспокойство левых на протяжении всего XX века.

²² По этому поводу можно вспомнить, что Хилари Клинтон, выступая 9 сентября 2016 г. на празднике ЛГБТ в Нью-Йорке, назвала сторонников Дональда Трампа «жалкими».

²³ «Сами интеллектуалы, как, например, философы, немецкие идеалисты и их духовные потомки, принадлежат к среднему классу, и этот факт имеет решающее значение для успеха их радикальных идей. Будучи представителями среднего класса, они играют в своей среде двусмысленную роль: в повседневной жизни демонстрируют буржуазную позицию, а в своих сочинениях — революционную». Thomas Molnar, *La contre-révolution*, Ibid., p. 96.

ты, мой друг, не захочешь довольствоваться этим недостойным средним.

На самом деле я пишу тебе не только для того, чтобы повысить твою культуру в области идей, но и потому, что это крайне важно для нашего общества. Практически полное засилье левой и прогрессистской идеологии в умах западной интеллигенции грозит постепенно разрушить нашу цивилизацию, иссушив ее изнутри. Вскоре от нее могут остаться лишь руины да славные воспоминания: население будет вытеснено, культура забыта, доблести обесценены, общество расколото, а могущество перейдет к другим (например, в Азию). Этот риск трудно осознать тому, кто отвык воспринимать свою судьбу как часть судьбы своего сообщества и уже не видит дальше собственного носа — то есть заикливается на самом себе. Этот риск также трудно воспринимать всерьез тому, кто с ранних лет научился ненавидеть все то, что определяло его сущность как человека Запада. В конечном итоге мы возвращаемся к метафоре писателя, предостерегающего от неграмотности: тревожась за судьбу Запада, мы предупреждаем об опасности индивидуализма и этномазохизма, которые могут привести к его разрушению; в то же время усиление индивидуализма и этномазохизма, хоть и демонстрирует нашу правоту, одновременно делает наши предостережения напрасными или все менее действенными. Тот, кто говорит о Великом замещении, окажется прав, когда это замещение действительно произойдет, но кого тогда это будет беспокоить?

Человек постмодерна, индивидуалист и/или этномазохист, равнодушен к судьбе Запада, но, по иронии судьбы, когда Запад падет, то раздавит его первым. Гошизм погибнет вместе с Западом, это так же несомненно, как то, что язва гибнет вместе с последним куском плоти, который она пожирает. Мы достигли последней стадии того процесса нашей цивилизации, который немецкий

философ Петер Слотердайк назвал «антигенеалогическим аффектом»²⁴ и который постоянно отрывал людей от их корней, их рода, их семьи, их расы, их земли — всего более древнего и почтенного, чем они сами. Этот чудовищный процесс, в основе своей современный и обильно подпитываемый различными левыми философиями, подходит к концу: мы больше ни откуда не *происходим*, мы «*просто исходим*», другими словами, исчезаем — то есть мы больше не продвигаемся вперед без того, чтобы лишаться самих себя, забывать себя, отменять себя и оставлять, словно сбрасывая лишний груз, все новые и новые частички себя на пути так называемого Прогресса. Я абсолютно убежден в том, что живя по законам левых, человек неизбежно приходит к нигилизму и начинает склоняться к самоубийству²⁵. Мы поговорим с тобой о философии, которая всегда противостояла этим законам, именно потому, что мы нуждаемся в ней как никогда. Сейчас как раз нужный момент: ведь люди всегда начинают прислушиваться к нам за пять минут до катастрофы. Кризисы, которые обрушиваются на мир, — экономические, идентитаристские, экологические, — а также ошеломляющие и пугающие перспективы, открывающиеся благодаря техническому прогрессу, означают, что мы должны немного повернуть голову, если не хотим ее потерять. Философия правых, с которой я намерен тебя познакомить, возможно, могла бы немного укрепить ступени, на которые мы собираемся шагнуть, помочь нам удержаться на ногах при головокружительных витках истории и, возможно, помочь уцепиться за то, что делает

---

²⁴ Peter Sloterdijk, *Après nous le déluge*, Paris, 2016, Payot & Rivages

²⁵ В этом также убеждено большинство мыслителей правого толка. Протицирую еще раз Кортеса: «[...] все социалистические доктрины или, вернее, все доктрины рационализма неизбежно ведут к нигилизму». Juan Donoso Cortés, *Essai sur le catholicisme, le libéralisme et le socialisme*, 2019, Norik ebooks, p. 209.

нас людьми, — не для того, чтобы преградить нам путь или заковать в цепи, но чтобы привязать к жизни в тот самый момент, когда она рискует покинуть нас.

Помимо всего прочего сегодня мы переживаем момент большой идеологической контратаки. Иллюзии гошизма подходят к концу, а постмодерн исчерпал себя: в нем не осталось ничего для продолжения отрицания (свойственного левым), которое, по сути, его характеризует²⁶. Поэтому можно с полным правом надеяться на то, что мы являемся свидетелями заключительного процесса — а значит, просто конца — прогрессизма, основы которого непрочны²⁷. Несомненно, настало время, когда можно с гордостью заявить, что ты правый, и больше не скрывать этого, не считая постыдным и не боясь попасть в категорию «ультраправых» (как раньше боялись попасть в ад). Правым, друг мой, всегда была свойственна излишняя стыдливость: во времена Третьей республики во Франции группа правых, заседающая в Сенате, называла себя «Республиканскими левыми», опасаясь принять «проблемное» название²⁸. Это вполне классическая ситуация. А автоматически ставить клеймо «фашист» на каждом, кто придерживается правых взглядов, — это классический метод, который был и остается главным оружием левых. Из всех правых левые терпят только орлеанистов, то есть тех, кто, заботясь только о деньгах, остается в рядах материалистов, которыми при этом руководит. Более того, поскольку эти либеральные пра-

---

²⁶ Если модерн — это процесс безграничного отрицания, как писал Теодор Адорно в своей «Теории эстетики», то постмодерн — это высшая стадия этого процесса. Gilles Lipovetsky, *L'ère du vide*, Paris, 1983, Gallimard, p. 117.

²⁷ Постмодерн — это состояние высокой мобильности на ненадежных основах, как пишет Петер Слотердайк, комментируя Арнольда Гелена в книге *Après nous le déluge*, op. cit., p. 202.

²⁸ Jean-Christian Petitfils, *La droite en France*, Paris, 1973, Presses Universitaires de France, p. 3.

вые — не что иное, как прежние левые, а фактически даже первые левые из всех, можно сказать, что левые, в конечном счете, признают только самих себя. Согласно их особой концепции толерантности, право быть гражданами и участвовать в дебатах имеют только они сами в своей вчерашней или нынешней версии. А любые настоящие правые неизбежно являются «крайне правыми»: мы должны принять это обвинение раз и навсегда и больше не пугаться его, потому что, по сути, оно ничего не стоит. Перед лицом обвинений и требований политкорректности со стороны левых нужно всегда помнить, что уступая в ситуации, когда вас заставляют или призывают, вы лишь способствуете повышению требований к вам *ad vitam aeternam*. Оправдываться перед левым, обвиняющим вас в экстремизме, означает не просто признать его правоту, но, хуже того, вооружить его против вас.

Постоянно изображать подлинных правых в виде радикального пугала просто нелепо. То направление мысли, на котором основано правое мировоззрение, не может считаться его крайней формой, поскольку представляет собой его первоначальную и самую чистую версию. Не могла же правая мысль стать радикальной, едва родившись. (Хотя некоторые левые интеллектуалы, такие как Зеэв Штернхель, бесстыдно утверждают, что так оно и было²⁹.) Если верить левым, то правые стали крайними еще до того, как успели стать... просто самими собой. Подобные утверждения неприемлемы, и мы не должны обманываться: можно быть убежденно, фундаментально, безнадежно правым, не будучи экстремистом. В идеях,

---

²⁹ В книге *Les Anti-Lumières* блестящего, но непримиримо левого Зеэва Штернхеля настойчиво утверждается, что абсолютно вся контрреволюционная мысль — это философия крайне правых, которая, без сомнения, стала причиной «самых мрачных страниц нашей истории», если использовать традиционную (и довольно нелепую) формулировку. Zeev Sternhell, *Les anti-Lumières*, Paris, 2010, Gallimard.

с которыми я собираюсь тебя познакомить, нет ничего экстремистского, и если они иногда кажутся слишком радикальными для сегодняшнего дня, то это, возможно, не их вина, а вина сегодняшнего дня, который слишком далеко удалился в противоположную сторону как от этих идей, так и от здравого смысла.

Вот почему, друг мой, я считаю важным показать тебе, что такое подлинно правое мышление. В скором времени нам предстоит собрать новые правые силы, способные справиться с непростыми задачами настоящего и будущего, и мы следуем нашей лучшей традиции, желая прежде всего черпать вдохновение у древних. Это вовсе не означает, что мы стремимся повернуть назад и вернуться в прошлое! Даже такой левый философ, как Эммануэль Террай, честный исследователь (бывает и такое) философии правых, признает, что [...] «реакционеры в строгом смысле этого слова — то есть сторонники регресса — встречаются редко. Для большинства тех, кто считает себя реакционером, возвращение назад — это возвращение к истокам, необходимый шаг на пути к новому старту и новой молодости»³⁰. Обращаясь к идеям контрреволюции, которые сегодня могут питать наши собственные, мы не стремимся (и в любом случае не считаем возможным) вернуться к старому режиму. Мы просто ведем себя, как пчелы, которые, по словам Джонатана Свифта (а до него Эзопа³¹) имеют скромность черпать мед не из себя самих, а из других источников, в то время как модернисты и прогрессисты часто напоминают пауков: раздувшись от гордости, они плетут геометрические сети, вытягивая их из собственных экскрементов.

---

³⁰ Emmanuel Terray, *Penser à droite*, Paris, 2012, Galilée, p. 29.

³¹ Jonathan Swift dans *Bataille des livres*, cité par Marc Fumaroli dans son essai précédent, *La Querelle des Anciens et des Modernes*, Paris, 2001, Gallimard.

Возможно, быть правым недостаточно, и возможно, в будущем нам также придется выйти за рамки чисто консервативных, реакционных теорий, неизменно критических по отношению к прогрессу. По правде говоря, я не имею ничего против; но согласитесь, что для этого мы сначала должны познакомиться с этими теориями. Я убежден, что именно они помогут Западу найти путь к спасению, а всем нам, страдающим от беспросветного нигилизма, вновь обрести желание жить. Имей в виду: в последующих главах я часто буду довольно резок, поскольку намерен отдать должное не только мыслям, но и стилю моих предшественников. Быть «еле теплым», безусловно, не свойственно правым, это свойственно буржуазии, что не одно и то же. Кроме того, прошу прощения за то, что список авторов, с идеями которых я хочу тебя познакомить, очень неполон, в нем многих не хватает. Мне, как обычно, пришлось принимать непростые решения, выделять кого-то среди других, дифференцировать — иными словами, делать выбор. Я не претендую не только на исчерпывающую полноту, но даже просто на беспристрастность — пожалуй, на беспристрастность менее всего. Осмелюсь претендовать лишь на роль составителя резюме: простого, намеренно субъективного — и потому живого — но, надеюсь, понятного. В любом случае, я рассчитываю на то, что это резюме окажется полезным, информативным и приятным для чтения.

Друг мой, как я уже говорил, ты, скорее всего, сознательно или нет, занимаешь более или менее левую позицию, потому что до сих пор твои мысли следовали только по заданному левыми курсу. Давай попробуем, пока ты читаешь эту книгу, поплыть вместе против течения. Для этого предлагаю тебе вернуться к истокам: я имею в виду, конечно же, эпоху Просвещения и Французскую революцию...